

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, КОММЕРЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 347

Ю.С. Поваров*

ИНСТИТУТ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК В ГК РСФСР 1922 Г. (АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЙ)

В статье раскрываются предписания ГК РСФСР 1922 г. касательно оснований и последствий недействительности сделок; обсуждаются проблемы, возникавшие на практике при их применении.

Ключевые слова: абсолютная и относительная недействительность сделки, недействительность части сделки, двусторонняя и односторонняя реституция.

Предписания Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. (далее — ГК, Кодекс) о сделках, в том числе их недействительности, как известно, в значительной своей части опирались на устоявшиеся в дореволюционной цивилистике (российской и западноевропейской) подходы и конструкции. Как заявлял по этому поводу К.М. Варшавский, «...постановления о юридических сделках в наименьшей мере связаны с индивидуальными особенностями места и времени — они наиболее абстрактны и потому в ... основе остаются неизменными на протяжении тысячелетий от римского права до ГК РСФСР»¹. Вместе с тем многие нормы, конечно, несли на себе отпечаток времени (к примеру, правила о дефектности сделок, направленных к явному ущербу для государства).

В целом, оценивая регулирование отношений в области недействительности

сделок в ГК, необходимо подчеркнуть, что оно было:

— во-первых, достаточно «казусным» (ибо *универсальные* положения о недействительности сделок, включая общее правило о последствиях нарушения законодательных предписаний, а также об имущественных последствиях недействительности сделок в Кодексе отсутствовали);

— во-вторых, несколько «разорванным», «хаотичным» (так, правила о последствиях недействительности договоров были включены не в главу 4 Общей части о сделках, а в отдельный раздел Кодекса).

Эксплицитно не давал ГК и обобщенной систематизации видов недействительности сделки (термины «ничтожная сделка» и «оспоримая сделка», или аналогичные им, законодательство не использовало). Несмотря на это, в науке (исходя из различного описания Кодексом меха-

* © Поваров Ю.С., 2020

Поваров Юрий Сергеевич, канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева

низма инвалидации сделок — в одних случаях сделка «объявлялась» недействительной, в других случаях указывалось на необходимость признания сделки недействительной судом) такое размежевание проводилось. В частности, Д.М. Генкин подразделил недействительные сделки «...на сделки недействительные сами по себе (абсолютно недействительные) и сделки, признаваемые недействительными по требованию заинтересованной стороны, а в соответствующих случаях — по требованию прокурора, подлежащих государственным органам, общественных организаций и по инициативе суда»². «В некоторых случаях, — полагала М.В. Зимелева, — сделка признается недействительной в силу прямого указания закона о том, что она вообще не может породить правовых последствий. Такие сделки называются ничтожными. В других случаях вопрос о действительности сделки может быть возбужден заинтересованными лицами, которым предоставляется право добиваться по суду признания сделки недействительной... Такие сделки называются оспоримыми»³.

«Абсолютно» недействительными считались прежде всего **сделки, совершенные с целью, противной закону или в обход закона, а равно сделки, направленные к явному ущербу для государства** (ст. 30).

Первые две группы порочных сделок в ст. 147 были названы противозаконными. Таким образом, понятием противозаконной сделки охватывались:

а) юридические действия, цель совершения которых противоречит закону, при этом:

— закон имел «...в виду не всякую сделку, противоречащую вообще закону, а лишь сделки, противоречащие социальному строю страны, противоречащие экономической основе СССР, социалистической системе хозяйства, социалистической собственности, отмене частной собственности на орудия и средства производства, запрещению эксплуатации человека человеком, социалистическому

планированию» (к примеру, «договор поставки фондируемой продукции вопреки планам распределения последней», «сделка по сдаче в аренду сада, так как переуступка за плату права пользования земельным участком нарушает закон о национализации земли», внеуставные сделки государственных предприятий), т. е. речь должна была идти о нарушении базовых начал советского права (что в условиях отсутствия общего правила о последствиях нарушения требований закона при совершении сделки создавало определенные трудности в правоприменении); кроме того, противозаконными по обсуждаемому основанию рассматривались «...сделки, хотя и не противоречащие непосредственно социальному строю СССР, но запрещенные законом как нарушающие установленный правопорядок, например, купля-продажа нарезного оружия...»;

— «статья 30 ... имеет в виду закон не как норму, исходящую от законодательного органа, а вообще норму права» (попутно заметим, что проблема толкования термина «закон» для целей применения положений о недействительности сделок сохраняется и в настоящее время);

— «для признания сделки недействительной ... достаточно объективного момента — противоречия норме» (субъективный аспект являлся юридически безразличным)⁴;

б) формально не расходящиеся с законом сделки, но совершаемые в его обход; «обход закона состоит в том, что участники запрещенной сделки избирают для достижения результатов, запрещенных законом, какую-нибудь дозволенную сделку, с помощью которой и прикрывают свои истинные цели»⁵, в итоге такая сделка «...приводит к правовым результатам, противоречащим закону» (например, при продаже имущества с целью его сокрытия от взыскания)⁶.

Направленность сделки на причинение явного ущерба государству (вне зависимости от противозаконности действия как таковой) тоже, повторимся, служила

основанием для квалификации сделки в качестве недействительной. Преследуя цель защиты интересов социалистического государства, данный состав означал «...перенесение признаков недействительности сделки из области формальной ... в область материальную ("нанесение ущерба государству...")», что «...меняло подход к этому институту и делало его достаточно действенным орудием в руках Советского государства. Право государства вмешиваться в любые сделки ... давало возможность предотвратить наступление невыгодных для социалистического сектора экономики последствий»⁷. Особое значение этому придавал В.И. Ленин, по мнению которого недействительными должны были признаваться всякие сделки, противоречащие «...интересам трудящейся рабочей и крестьянской массы» (на данное высказывание В.И. Ленина акцентировалось внимание в литературе⁸). Показателен следующий пример из судебной практики. Кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР признала недействительным выданный гражданкой незадолго до своей смерти дальнему родственнику вексель, усмотрев в совершении сделки намерение предотвратить переход дома, принадлежавшего гражданке, в собственность государства как выморочного имущества (при этом во внимание была принята неимущность дальнего родственника, исключавшая наличие реальных заемных отношений)⁹.

К «абсолютной» недействительности также вело **совершение сделки**:

— **лицом, вполне лишенным дееспособности** (под ним понимался малолетний или душевнобольной) или временно находящимся в таком состоянии, когда оно не может понимать значения своих действий¹⁰ (ст. 31);

— по соглашению сторон **лишь для виду** и без намерения породить юридические последствия (ст. 34), т. н. мнимая сделка¹¹. Заметим, что осознание мнимости должно было носить обоюдный характер, на что указывала фраза «по соглашению сторон».

Наконец, недействительность могла проистекать из **несоблюдения требований к форме** сделки, но лишь при наличии явного указания об этом в законе (ст. 29). Тем самым ГК придерживался достаточно либерального подхода в части установления последствий несоблюдения требований к форме сделки, ибо «...недействительность сделки ввиду нарушения установленной письменной формы не может предполагаться, а должна быть непосредственно оговорена в законе»¹². Интересно, что даже в такой ситуации судебные органы в интересах обеспечения стабильности оборота и защиты добросовестной стороны стали исходить из наличия у нее права «...признать действительной сделку, вопреки закону не оформленную нотариально, если одна из сторон уклоняется от ее нотариального оформления в условиях, когда другая сторона произвела исполнение целиком или частично..., а самая сделка ... не заключает в себе ничего противозаконного»¹³ (в последующих кодексах это положение получило прямое отражение).

Возможность признания судом сделки недействительной по требованию определенных лиц (т. е. **оспоримость**) устанавливалась:

1) для сделки, которую лицо совершило:

а) под влиянием **обмана** (намеренного введения контрагента в заблуждение), **угроз** (противоправного психического воздействия), **насилия** (противоправного физического воздействия);

б) вследствие **соглашения его представителя с контрагентом**, причем **злонамеренного** (а значит, «...необходимо, чтобы налицо было умышленное действие»¹⁴);

в) по причине **заблуждения**, которое имеет существенное значение.

В качестве истца по требованиям о признании приведенных сделок недействительными обозначалось названное потерпевшее лицо. Помимо прочего, указывалось на возможность инвалидации сделки и полностью, и в части (ст. 32);

2) в отношении явно невыгодной для лица сделки, в которую оно вступило под влиянием крайней нужды. Это — т. н. **кабальные** сделки. Позднее в литературе подчеркивался «рудиментарный» характер данного состава: «ст. 33 ГК, — писал Д.М. Генкин, — имела существенное значение в начальный период нэпа, когда возможно было заключение капиталистическими элементами кабальных сделок с трудящимися...», но «...когда капиталистические классы в СССР ликвидированы, ст. 33 применяется сравнительно редко»¹⁵.

К числу истцов по кабальным сделкам были отнесены не только потерпевшая сторона, а и подлежащие государственные органы и общественные организации.

Примечательно, что в качестве *альтернативы* признания кабальной (и только!) сделки недействительной рассматривалось прекращение ее действия на будущее время (ст. 33).

Важное значение имела норма о том, что признанная недействительной сделка считается таковой с момента ее совершения (ст. 36); тем самым предусматривался ретроспективный эффект инвалидации сделки.

Касаемо **притворной** сделки (заключенной с целью прикрыть другую сделку), недействительность (как абсолютную, так и относительную) которой законодатель прямо не «провозглашал»¹⁶ (в отличие от современного ГК РФ), оговаривалась необходимость применения положений, относящихся к той сделке, которая действительно имела в виду (ст. 35).

Дефектными могут оказаться лишь *отдельные* части сделки (например, некоторые условия договора), что способно привести и к частичной, и полной недействительности сделки. О **частичной недействительности** (когда «недействительные части сделки не затрагивают прочих ее частей») можно было с позиции ГК говорить в ситуации допустимости предположения о том, что сделка была бы совершена и без включения недействительной ее части (ст. 37). Таким об-

разом, законодатель, как верно подчеркивает А.А. Новицкая, использовал «критерий гипотетической воли сторон (“поскольку можно предположить”)» как способ определения способности сделки к существованию в недействительной части. При этом ст. 37 сформулирована лаконично...», что породило различные доктринальные интерпретации условий частичной (а не полной) инвалидации сделки. В частности, высказывались соображения о том, что недействительная часть не должна затрагивать существенные части сделки, определяющие ее предмет, природу или цель и т. п. (В.А. Рясенцев), что поставленный вопрос должен решаться исходя из того, присутствует ли между условиями сделки неразрывная внутренняя связь, устанавливаемая через выявление воли сторон (И.Б. Новицкий)¹⁷.

Особенностью структурирования нормативного материала в ГК, напомним, являлось «внедрение» правил о **последствиях недействительности двусторонней сделки** не в раздел о сделках, а в блок предписаний, посвященных договорным обязательствам, что подвергалось справедливой критике в литературе; кроме того, в качестве изъятия оценивалось отсутствие «общей нормы о последствиях недействительности сделок», поскольку Кодекс «предусматривал такие последствия отдельно для каждого вида, что вызывало большие трудности на практике, которая иногда сталкивалась с недействительными сделками, не подпадавшими ни под один из видов, предусмотренных Кодексом»¹⁸.

Основными последствиями порочности договора (исходя из основания недействительности) являлись:

1) **двусторонняя реституция**, когда каждая из сторон обязана возвратить все полученное по договору.

О такой реституции речь шла в случаях недействительности договора:

а) совершенного недееспособным лицом (ст. 148);

б) по мотиву нарушения требуемой законом формы (ст. 151);

в) ввиду заблуждения одной стороны (ст. 151);

2) *односторонняя реституция*, когда лишь одна потерпевшая сторона была вправе требовать от контрагента возврата всего исполненного по договору (другая же сторона не имела такого права, «поскольку она сама виновна в недействительности сделки»¹⁹); неосновательное же обогащение потерпевшей стороны (то, что она получила от контрагента, но в силу «аннулирования» дефектной сделки не должна иметь) взыскивалось в доход государства.

Односторонняя реституция применялась при недействительности договора, совершенного под влиянием обмана, насилия, угроз или вследствие злонамеренного соглашения представителя одной стороны с противной стороной, а равно направленного к использованию крайней нужды (ст. 149).

Специальные правила вводились для договора, направленного к использованию крайней нужды, не признанного недействительным (!), а лишь *расторгнутого на будущее время*. Разумеется, потерпевшая сторона наделялась правом требовать не всего исполненного ею, а только того из исполненного, за что она к моменту расторжения договора не получила встречного удовлетворения (ст. 150). Приведенное положение относилось законом только к кабальным сделкам; тем не менее в литературе обращалось внимание на то, что «нет никаких оснований не распространять его и на другие виды сделок, признаваемых недействительными лишь в силу предъявления иска об их недействительности»²⁰ (т. е. на все оспоримые сделки по терминологии действующего ГК РФ);

3) *недопущение реституции*, когда ни одна из сторон была не вправе требовать от другой возврата исполненного по договору, а неосновательное обогащение взыскивалось в доход государства.

Данный вариант «безапелляционно» (в частности, вне зависимости от вины) вводился на случай недействительности

договора как противозаконного или направленного к явному ущербу для государства (ст. 147). В литературе по этому поводу образно заявлялось, что «ст. 147 ГК является острым орудием борьбы с заключением незаконных договоров и сделок, с попытками нарушить государственные планы, нанести ущерб государству»²¹.

Однако использование столь жестких конфискационных мер «ко всем противозаконным сделкам ... иногда ставило в затруднительное положение судебные органы, оказывавшиеся вынужденными применять двустороннюю реституцию там, где по буквальному тексту закона все исполненное следовало изымать в доход государства (как, например, в сделках, по которым гражданин, получивший земельный участок для индивидуального жилищного строительства, привлекает застройщиков)» (не случайно, что ГК РСФСР 1964 г. значительно сузил сферу действия правила о недопущении реституции); в последующем отвергла судебная практика и «применение карательных санкций только за одну объективную противоправность независимо от вины участников сделки»²².

Законодателем были установлены и **дополнительные имущественные последствия** недействительности договора, которые могли выразиться:

1) в полном возмещении *убытков*, причиненных неисполнением договора (т. е. и положительного ущерба, и упущенной выгоды).

Правило о таком возмещении вводилось для стороны, ответственной за обстоятельство, вызвавшее заблуждение (причем работала презумпция ответственности заблуждающегося), — в случае недействительности договора ввиду заблуждения, но только если при этом ответственная сторона допустила грубую небрежность (которая не предполагается, а доказывается противной стороной) (ст. 151);

2) в возмещении исключительно *положительного ущерба* в имуществе.

Такой ущерб подлежал возмещению:

а) дееспособным контрагентом в пользу недееспособного (но не наоборот, ибо дееспособный «...должен быть осмотрительным в выборе своих контрагентов»²³) — при недействительности договора, совершенного недееспособным (ст. 148).

Лаконичность данного предписания обусловило возникновение вопроса о пределах его применения — в науке небеспричинно заявлялось: «...исходя общих положений советского права о необходимости наличия вины для взыскания ущерба, следует прийти к выводу, что дееспособный контрагент освобождается от ответственности за ущерб, если докажет, что он не знал и не мог знать о недееспособности контрагента»²⁴;

б) стороной, ответственной за обстоятельство, вызвавшее заблуждение, в пользу контрагента — в случае недействительности договора ввиду заблуждения, если при этом у ответственной стороны отсутствует грубая небрежность (ст. 151 ГК).

Примечания

¹ Цит. по: Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 85.

² Советское гражданское право / под ред. Д.М. Генкина. М.: Госюриздат, 1950. Т. I. С. 232.

³ Советское гражданское право: Краткий учебник (ВИЮН) / общ. ред. Я.Ф. Миколенко. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. С. 53.

⁴ См.: Советское гражданское право / под ред. Д.М. Генкина. М.: Госюриздат, 1950. Т. I. С. 226–227.

⁵ Советское гражданское право: Краткий учебник (ВИЮН) / общ. ред. Я.Ф. Миколенко. С. 53.

⁶ См.: Советское гражданское право / под ред. Д.М. Генкина. М.: Госюриздат, 1950. Т. I. С. 227.

⁷ Новицкая Т.Е. Указ. соч. С. 86.

⁸ См., к примеру: Советское гражданское право / под ред. Д.М. Генкина. М.: Госюриздат. 1950. Т. I. С. 228.

⁹ См.: Новицкая Т.Е. Указ. соч. С. 85–86.

¹⁰ Таким образом, для лиц, временно находящихся в состоянии недееспособности, законодатель использовал только интеллектуальный критерий (непонимание значения действий); волевой критерий (невозможность руководить действиями) «появился» лишь в ГК 1964 г.

¹¹ В литературе иногда допускалось смешение мнимых и притворных сделок (их отождествление). См., например: Советское гражданское право: Краткий учебник (ВИЮН) / общ. ред. Я.Ф. Миколенко. С. 55.

¹² Советское гражданское право / под ред. Д.М. Генкина. М.: Госюриздат, 1950. Т. I. С. 223.

¹³ Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Новый Гражданский кодекс РСФСР. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1965. С. 61.

¹⁴ Советское гражданское право / под ред. Д.М. Генкина. М.: Госюриздат, 1950. Т. I. С. 230.

¹⁵ Советское гражданское право / под ред. Д.М. Генкина. М.: Госюриздат, 1950. Т. I. С. 230.

¹⁶ Хотя доктрина в основном исходила из *недействительности* притворной сделки; «что же касается прикрываемой сделки, то в зависимости от своего содержания она может быть как недействительной, так и действительной» (Советское гражданское право / под ред. Д.М. Генкина. М.: Госюриздат, 1950. Т. I. С. 231).

¹⁷ См.: Новицкая А.А. Недействительность части сделки: сравнительно-правовой анализ российского и немецкого правового регулирования // Вестник гражданского права. 2011. № 1.

¹⁸ См.: Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Указ. соч. С. 58.

¹⁹ Советское гражданское право / под ред. Д.М. Генкина. М.: Госюриздат, 1950. Т. I. С. 237.

²⁰ Советское гражданское право / под ред. Д.М. Генкина. М.: Госюриздат, 1950. Т. I. С. 238.

²¹ Советское гражданское право: Краткий учебник (ВИЮН) / общ. ред. Я.Ф. Миколенко. С. 56.

²² См.: Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Указ. соч. С. 70.

²³ Советское гражданское право / под ред. Д.М. Генкина. М.: Госюриздат, 1950. Т. I. С. 236.

²⁴ Советское гражданское право / под ред. Д.М. Генкина. М.: Госюриздат, 1950. Т. I. С. 236.

*Yu.S. Povarov**

INSTITUTE OF INVALIDITY OF TRANSACTIONS IN THE CIVIL CODE OF THE RSFSR OF 1922 (ANALYTICAL REVIEW OF LEGAL PROVISIONS)

The article reveals the prescriptions of the Civil Code of the RSFSR of 1922 on the grounds and consequences of invalidity of transactions; problems that arose in practice in their application are discussed.

Key words: absolute and relative invalidity of transaction, invalidity of transaction part, bilateral and unilateral restitution.

* *Povarov Yuri Sergeevich*, Candidate of Juridical Sciences, assistant professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Samara National Research University